

И Н В А Л И Д Ъ.

— Запято!—свирѣпо заревѣлъ кто-то, приподнявшись, когда проводникъ раскрылъ дверь купэ.—Къ чорту! Раненые.

Вездѣ было набито биткомъ. Сидѣло по пять, по шесть человекъ. Безнадежно разведя руками, проводникъ исчезъ, а я усѣлся въ коридорѣ вагона на свой чемоданъ и сталъ терпѣливо ждать.

Поѣздъ то шелъ, то останавливался, то снова трогался и опять надолго замиралъ. Иногда сзади нарасталъ тяжелый гулъ и мимо съ лязганьемъ катились безконечныя вагоны. Насъ обгоняли вопиющіе поѣзда. При свѣтѣ тусклыхъ огней было видно, какъ проворно выскакивали и бѣжали съ чайниками солдаты и я смотрѣлъ на нихъ, думалъ о томъ, что пропеходитъ тамъ, куда ихъ везутъ, дремалъ и слушалъ густой храпъ, несущійся изъ-за дверей плотно закрытыхъ купэ.

Утромъ, спотыкаясь о мои венцы, заспанные пассажиры оглядывали меня съ презрительнымъ недоумѣніемъ—неудачниковъ презираютъ даже въ вагонахъ. Открылось, наконецъ, и то купэ, въ которомъ такъ сурово встрѣтили меня вчера. Оттуда вышелъ сначала безусый прапорщикъ съ унылымъ лицомъ, за нимъ красивый, съ энергично закрученными усами поручикъ и послѣ нихъ, горбясь и дергая ногами, выльзъ высоки, сѣрый капитанъ.

Онъ-то и крикнулъ вчера на меня такъ свирѣпо. Теперь же, съ трудомъ пробравшись мимо, онъ кинулъ на меня быстрый взглядъ, а возвращаясь назадъ, остановился, задергался, стукнулся кофѣномъ о стѣнку и, сердито сказавъ:—а, чортъ!—участливо обратился ко мнѣ.

— А вы такъ и прокашителили безъ мѣста цѣлую ночь?

— И вотъ такъ всегда,—говорилъ онъ черезъ полчаса, когда я уже сидѣлъ въ очищенномъ для меня уголкѣ, а онъ лежалъ, поднимая вверхъ то одну, то другую ногу.—Какъ сунется сразу новый человекъ, такъ сначала такъ бы ему, кажется, глотку и перервалъ. А обнюхаетъ и ничего. Даже пріятно.

Кромѣ трехъ офицеровъ въ купэ былъ еще молодой американецъ. Онъ сидѣлъ у окна прямо, какъ палка, и хотя не понималъ ни слова по-русски, но чувствовалъ себя, повидимому, превосходно. Безусый прапорщикъ ѣхалъ на войну. Отъ него такъ и вѣяло покорной тоской. Энергичный поручикъ, сидя въ ногахъ у капитана, говорилъ ему.

— Ну что, юноша? Все грустите и думаете, что васъ убьютъ?

— Я это знаю,—съ тихой улыбкой отвѣчалъ прапорщикъ.

— Пустяки! Вернетесь великолѣпнѣйшимъ образомъ домой и снова заживете съ вашей женой. Не надо поддаваться мрачнымъ мыслямъ.

— Я и не поддаюсь,—покорно отвѣтилъ тотъ.—Я просто чувствую, что меня убьютъ. Ну, что жъ... Это будетъ въ родѣ платы за счастье, которое я получилъ.

Очевидно, они продолжали начатый раньше разговоръ. Лежавшій капитанъ прислушался, повернулъ свое сѣрое, съ залысинами на лбу лицо и сказалъ:

— А вѣдь смотрите, васъ и въ самомъ дѣлѣ убьютъ. У васъ есть что-то въ лицѣ. У меня офицеръ въ ротѣ все говорилъ:—убьютъ, убьютъ,—и вѣдь ухлопали. Только высунулся изъ окопа, трахъ—шрапнелью и прямо, какъ рѣшето. Пуль десять попало. Такъ у него было вотъ такое же лицо, какъ у васъ.

Я посмотрѣлъ на капитана. Рѣшительно этого не надо было говорить, такъ какъ прапорщикъ сразу сталъ еще грустнѣе. И въ то же время было ясно, что капитанъ могъ такъ говорить, потому что у него было что-то очень ужъ простое въ глазахъ.

Но я не дослушалъ разговора. Безоппная почъ давала себя знать и у меня слипались глаза. Улучивъ моментъ, я взобрался наверхъ, вытянулся тамъ и сразу заснулъ, а когда часа черезъ два спустился внизъ, то все было попрежнему: американаецъ смотрѣлъ въ окно, прапорщикъ сидѣлъ съ тихимъ уныніемъ на лицѣ, энергичный поручикъ разливалъ чай, а капитанъ лежалъ на своемъ мѣстѣ, поднимая вверхъ то одну, то другую ногу, и стоналъ.

— Выспались?—дружелюбно обратился онъ ко мнѣ и, охая, прибавилъ:—А у меня всѣ трещины болятъ.

— Ну, берите же вашъ стаканъ, капитанъ,—говорилъ ему энергичный поручикъ.

— О-хо-хо!—стоналъ тотъ.—Весь я пустой, весь я пустой!..—Бережно спустивъ ноги, онъ сѣлъ, сказавъ:—И въ самомъ дѣлѣ, хоть водицей себя, что ли, налить?—потянулся къ стакану и началъ смѣяться: протянутая рука запырнула во всѣ стороны, такъ что пришлось перехватить ее другой рукой.

— Вотъ,—проговорилъ онъ.—Одна прошла, а эта все пляшетъ. Все не можетъ забыть, какъ я пальцами окопъ себѣ рылъ.

— Но пѣтъ, вы скажите мнѣ,—глотнувъ чаю, оглядѣлся онъ кругомъ.—Идиотъ я, или пѣтъ? Вмѣсто того, чтобы сидѣть себѣ въ Москвѣ, у родныхъ, надо было тащиться чуть не за двѣ тысячи верстъ! Недѣля туда, недѣля назадъ, дорога чуть не сто рублей, и все можно было устроить по почтѣ. Не иначе, какъ эта проклятая контузія вышибла у меня послѣдній умъ. Въѣхало вотъ точно дышломъ въ башку, сѣлъ на поѣздъ и покатилъ.

— И знаете, для чего?—обратился онъ прямо ко мнѣ.—А для того, что остался у меня тамъ старый чемоданъ—забылъ его внопыхахъ—а въ чемоданѣ мундиръ. Такъ непременно сталъ онъ мнѣ нуженъ. Теперь вотъ везу его и ругаю себя на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вы понимаете!—съ настоящимъ отчаяніемъ продолжалъ онъ.—Вѣдь эти двѣ педѣли я могъ бы провести у своихъ. У меня племянница есть—играетъ на рояли, какъ Богъ. Слушаю и плачу. Сколько бы я ее послушаться могъ! А сколько бы здоровья накопилъ! А мнѣ больше мѣсяца лѣчиться нельзя.

— Ну, капитанъ,—успокоительно замѣтилъ энергичный поручикъ,—полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонтъ. У васъ здорово таки расхлябались всѣ винты.

— Что вы, что вы!—испугался капитанъ.—Какъ можно! А рота-то какъ? У меня теперь вся рота новая—старыхъ всего человѣкъ пятьдесятъ. Надо ихъ, батюшка, узнать. Нѣтъ, нечего тутъ и говорить! Я и теперь ужъ еле здѣсь сижу. Тѣломъ здѣсь, а душой тамъ. Нѣтъ, еще недѣлку, и въ путь.

Онъ замахалъ руками, и руки опять принялись сами собой плясать. Сразу потухнувъ, капитанъ легъ и жалобно проговорилъ:

— Весь пустой! И здоровъ весь, и цѣло все, а точно выпотрошили изъ меня все путро. Вотъ жукъ иной разъ такъ на дорогѣ лежитъ. Но виду жукъ, какъ жукъ, а шевельнешь—одна кожа. Такъ вотъ и я. О-хо-хо-хо-хо!..—и безнадежно скрестилъ руки за головой.

— Вы были ранены, капитанъ?—спросилъ его я, но онъ только взглянулъ на меня и, не отвѣтивъ, жалобно продолжалъ.

— Ночью спишь, спишь, и вдругъ тебя пачпеть засовывать въ мѣшокъ, такъ что заревешь отъ страха, какъ быкъ. Проснешься утромъ, видишь ясно, что остается тебѣ одно—кончать—больше никакихъ ходовъ, а дряблость такая, что пальцемъ не можешь пошевелить. Днемъ разойдешься, стрѣльнетъ тебѣ что-нибудь въ башку, и сдѣлаешь какую-нибудь чушь. Нѣтъ, плохо, плохо! Никуда не годенъ человѣкъ.

— Куда, говорите, раненъ?—вспомнилъ онъ мой вопросъ.—Да никуда. То-то вотъ и горе мое, что совѣмъ пустяки, а сталъ дрянъ. Эхъ, если бы мнѣ хоть руку, или ногу оторвало! Счастливецемъ бы былъ!

— А вы говорили, контузія?

— Ну, вотъ тоже контузія! Развѣ такія коштузіи бываютъ? Я, батюшка, видѣлъ, какъ по пастоящему контузить. Ъхалъ человѣкъ верхомъ, а тутъ какъ ахпеть, да вмѣстѣ съ лошадейю его вверхъ. Лошадь векочила и дрожить, какъ оснновій листь, а онъ шмякъ! да часа четыре безъ памяти. Опомнися потомъ, полопоталъ:—бе-бе-бе...—и опять безъ памяти. А у меня что? Сижу себѣ въ окопѣ и говорю солдату:—Ну ко, Семеповъ, дай, братъ, сухаря.—Взялъ въ ротъ, пачалъ сосать, и вдругъ вверхъ ногами! Только сухаремъ подавился. Ну, конечно, потомъ иногда въ глазахъ темнота. Нѣтъ, контузія развѣ подбавила немножко, а главное, я думаю, оттого, что я пальцами себѣ окопъ рылъ.

— Это какъ?

— Да такъ, въ землю уйтн хотѣлъ. И понимаете,—продолжая, очевидно, какой-то прежній разговоръ, обратился онъ къ энергичному поручику,—проснулся сегодня утромъ, лежу и думаю о томъ, какъ у меня гнусно сложилась жизнь—возрастъ уже тридцать-семь, нѣтъ ни жены, ни дѣтей, одна рота, да и ту не разберу, люблю, или нѣтъ, кажется, скорѣй не люблю. Захотѣлъ потомъ вспомнить:—а пу ко, гдѣ же это я землю пальцами рылъ?—Вспоминалъ, вспоминалъ, такъ и не могъ—всѣ имена позабылъ! Подумалъ потомъ:—Ну, хорошо, а что же, вообще, я помню?—И оказывается, ппчего. Три мѣсяца въ походѣ, а только и осталось одно, что идемъ. Днемъ идемъ, почью идемъ, и въ солнце, и въ дождь, и въ холодъ, и въ тепло—все идемъ. Идемъ и спимъ. И я сплю, и лошадь у меня спитъ, и солдаты спятъ—только грязь: чвакъ, чвакъ. И больше ничего. Ни атакъ, ни окоповъ, ни городовъ, ни деревень, ничего не помню. Все позабылъ. Нѣтъ, еще помню одно. Сидимъ въ окопѣ, вытаскиваю папироску—а я съ собой ихъ десять тысячъ штукъ взялъ, да племянница мнѣ портенгаръ въ родѣ чемодана пода-

рила—чуть не полтысячи влѣзаетъ въ него—такъ вытану папирску, хочу закурить, взгляну кругомъ, и со всѣхъ сторонъ ко мнѣ умильные морды—такъ и смотрятъ: дескать, угостить, или нѣтъ? Ну, чортъ съ вами, сейчасъ же на двухъ по папирскѣ и разошлешь. Вотъ это только и помню, а больше ничего.

— А какъ землю пальцами рылъ,—снова обратился опъ прямо ко мнѣ,—это помню. Точно выжгло во мнѣ. Удивительно ясно помню. И деревню, и болото, и позиции—все помню. Понимаете, вотъ такъ деревня, а за деревней большущее болото, а за болотомъ австрійцы, и надо намъ ихъ вышибать. И, конечно, они ждуть, что мы полѣземъ напрямкомъ, а мы рѣшаемъ ихъ надуть. И вотъ, дается мнѣ такая задача: пока наши будутъ дѣлать обходъ, произвести съ ротой фальшивую атаку во фронтъ. Ну, конечно, чего узя тутъ—прямо, стало-быгъ, полный разстрѣлъ. И веду, понимаете, роту къ деревнѣ, проходимъ черезъ гороховое поле, такъ вся рота давай горохъ рвать. Даже обидно стало—и сыты, только что обѣдъ съѣли, и сами знаютъ, что на смерть идутъ, а все-таки надо въ послѣдній разъ этой прелести пожрать.—Ребята,—говорю,—смотрите, плохо будетъ!—Ну, и конечно, сигналъ къ атакѣ, а у нихъ животы схватило. Положимъ, и жутко было. Наша артиллерія сзади, австрійская спереди, надъ головой точно лѣние воютъ, а какъ вышли изъ деревни да развернули цѣпь, такъ, понимаете, какъ пошло! Деревню австрійцы сейчасъ же зажгли—снарядъ съ одного боку, снарядъ съ другого, снарядъ въ средину—запалась она, какъ можжевеловый кустъ, а мы по этой плюминации впередъ. И тутъ, понимаете, точно ураганъ—пулеметы, ружейный огонь, шрапнель, снаряды—такая музыка, что нѣтъ никакой возможности, какъ бѣжали, такъ сразу же всѣ на животы и только лопаты мелькаютъ, да земля вверхъ летитъ. А рядомъ со мной топяосенькое деревцо. Приткнулся я за нимъ—деревня горитъ, рота моя, болото, окопы—все, какъ на ладошкѣ, а сверху такъ и сыплеть. Обсыпаетъ меня листьями и сучками, деревцо только встряхивается, какъ живое, солдатнички мои зарылись, какъ кроты и лопатки впередъ выставили, а я лежу на виду и въ головѣ одно:—Сейчасъ убьютъ!—Какъ треснетъ вверхъ, такъ сейчасъ же:—Вотъ эта убьютъ!—А тутъ, понимаете, цѣлыми букетами, цѣлыми букетами, такъ что только вой въ ухахъ, и помню ужъ одно: хочу уйти, какъ можно глубже въ землю, рою ее пальцами и на голову сыплю. И что вы думаете—вѣдь вырылъ такъ себѣ ямку, втиснулся въ нее, и сверху шашкой прикрылся!

— А потомъ?

— А потомъ деревня догорѣла, пальба прекратилась и я повелъ роту на соединенье съ полкомъ.

— А окопы взяли?

— Взяли,—равнодушно отвѣтилъ капитанъ и уныло прибавилъ:—окопы-то взяли, а у меня тутъ, должно быть, и соскочило что-то съ винта, а педѣли черезъ три подбавило еще. Шли вотъ также въ атаку, залегли, потомъ побѣжали и вдругъ—трахъ!—точно палкой меня по ногѣ. Упалъ носомъ въ грязь, перевернулся, хочу съѣсть и въ то же время хлопъ!—да въ ту же ногу, только повыше, еще разъ. Боже ты мой!—Ну, думаю,—сейчасъ еще выше и прямо въ животъ!—И, понимаете, такой ужасъ, что хоть опять въ землю уйти. На перевязочномъ чортъ знаетъ что—чуть не истерика, и Бога, и чорта клянупа, а на повѣрку вышло, что первая шрапнелька икру чуть-чуть пробрала, а вторая такъ сама изъ брюкъ вытряхнулась—па излетѣ уже была.

— У васъ, капитанъ,—авторитетно вмѣшался энергичный поручикъ,—ранено не столько тѣло, сколько первы, душа. Вы плохо питались, сильно устали и истощились. На этой почвѣ все и произошло. Просто-напросто, вамъ надо хорошенько отдохнуть.

— Не надо было мнѣ уѣзжать оттуда!—яростно схватился капитанъ.— Вотъ въ чемъ главная суть. Вѣдь какъ я молилъ:—ради Бога, оставьте вы меня здѣсь, какія же это раны!—Такъ нѣтъ. Вотъ такъ же, какъ вы:—Надо отдохнуть, надо отдохнуть!—Да нельзя,—говорю,—мнѣ отдыхать. Я размякну совѣзмъ!—Ну, вотъ тебѣ и отдохнулъ! Тамъ бы я тянулея, или къ лѣшему! ухлопало бы меня, а вышѣзъ изъ некла, нюхнулъ другой жизни и сканутился совѣзмъ.

— Ужъ сказать, что ли, все?—приподнявшися на локоть, съ отчаяніемъ обратился онъ ко мнѣ.—Ухъ! Презирайте меня! Понимаете, страхъ меня одо-лѣлъ! Даже не страхъ, а чортъ знаетъ что. Какъ вотъ подумаю, что опять буду лежать и пальцами землю рыть, такъ точно въ мѣшокъ меня головой и хоть сейчасъ же пулю себѣ въ лобъ. Болѣзнь, болѣзнь! Самъ знаю, что болѣзнь, что ка-кая-то тамъ штука въ нервахъ произошла, да развѣ мнѣ легче отъ этого? Я понимаю, если бы мнѣ руку, или ногу отхватило, ну, тутъ ужъ лежи себѣ и кряхти, а какъ же я могу, весь цѣлый, здѣсь сидѣть! Да вѣдь рота-то моя тамъ, вѣдь бои-то идутъ, вѣдь шрапнелью-то жарятъ въ нихъ! Да меня здѣсь стыдъ живьемъ заѣстъ! Нѣтъ, нечего тутъ. Я такъ и рѣшилъ: поживу еще недѣльку, потомъ удеру и опять въ окопъ. А если еще что такое произойдетъ, такъ къ чорту!—прямо револьверъ и въ башку.

Г. Яблочковъ.

